

ГЛАВА 4

Небо и ангелы под титлом и без

Церковно-славянское выражение «*иже/яже* во святых», т.е. «который/которая во святых», шутя можно назвать титулом, а не шутя это и есть то высочайшее из всех земных званий, какого только может быть удостоен человек. Предваряемое таким званием имя человека говорит о его причастности к лику святых, или, иначе говоря, о его канонизации Церковью. Например, *иже* во святых отец Иоанн Златоуст или: *яже* во святых праматерь наша Ева.

Слово «титул» происходит из латинского *titulus*, которое согласно И.Х.Дворецкому означает: 1) надпись; 5) почётное звание. Церковно-славянское слово «титло», или «титла» из этого же латинского *titulus*'а происходит и дважды встречается в Евангелии.

Написа же и титла Пилат, и положи на кресте (Ин.19:19). Здесь слово «титла» означает самую надпись, которую повелел сделать Пилат на трёх языках (*еврейски, гречески, римски*), как это можно заключить из знака ударения, который называется «камора» и который ставится в формах слов во множественном и двойственном числах. Именно камора стоит в Ин.19:19 над словом «титла», подчёркивая его множественную форму. А в следующем стихе – *сего же титла мнози чтоша* (Ин.19:20) – уже подразумевается дощечка, на которой эти надписи были сделаны, на что указывает, во-1-х, местоимение «сего», и во-2-х, уже не камора, но так называемое острое ударение в слове «титла».

И ещё одно значение имеет слово «титло» в церковно-славянском языке. Так стал называться надстрочный знак, поставляемый над сокращёнными словами. Причина неполного написания слов в древних рукописях вроде бы известна. Это экономия очень дорогого писчего материала – пергамента, или телячьей кожи. Но, размышляя о такой экономии, я неизменно недоумеваю. Судите сами, чтобы сэкономить на 3-4-х буквах в строке, ну, чуть больше или чуть меньше, вынося их над строкою, приходилось заводить целую новую строку, во всяком случае, гораздо далее отступать от предыдущей строки, чем если бы надстрочных знаков не было. Здесь я говорю о так называемых буквенных титлах, т.е. о «слово-титло», «добро-титло» и других подписанных под титлом пропущенных букв. В простом же, не буквенном титле, т.е. том, которое изображается почти горизонтальной чертой с загнутыми концами, букв нет, но и его экономия для меня сомнительна.

Дело в том, что наиболее употребительными словами первых христианских книг были имена Бога, названия Его свойств и действий, а также слова, производные от них. Но писались эти слова под титлом не потому, что были наиболее употребительны, и древний человек сокращал-де их ради экономии пергамента. Они писались под титлом потому, что были наиболее значимы, и их надо было выделить в тексте, который ещё не научился выделять их большими буквами, вернее же сказать, не нуждался в больших буквах, т.к. пользовался титлами.

Экономия, конечно, тоже имела своё место, но ставилась она далеко не во главу угла. Потому что едва ли бы стал экономить на Божием имени древний человек, который не мыслил себя без Бога. Это только наш современник, для которого бог – целесообразность, мог решить, что причина появления титла над именем Господа Бога кроется в экономии пергамента для его написания. Когда Бог и имя Божие являются главным в жизни, разве

можно на них экономить? Разве можно экономить на главном? Кто из пишущих станет экономить на бумаге, когда перед ним стоит задача донести написанное неискажённым? Иначе зачем ему писать? Ради экономии? Или всё же ради того, чтобы высказать свою мысль, и остаться правильно понятым?

И потом, если правда, что рукописные книги в древности были буквально на вес золота, как мне пришлось об этом в одной книжке прочесть, и если правда, что имели их только редкие богатые люди, то стал бы такой богач экономить? Разве стал бы имеющий килограмм золота экономить на 10 его граммах? (*) Нет уж, если книги были настолько дороги, то о какой экономии тогда говорить? Разве на роскоши экономят?

Итак, не для экономии и не для сокращения букв употреблялось титло в церковно-славянской орфографии. Целью титла было указание на особую значимость написанных под ним слов. И потому, как мне кажется, было всё наоборот: экономия вышла из титла, а не титло из экономии. Т.е. когда титло ставилось над словом, тогда можно было без ущерба для смысла сокращать в нём буквы. Почему? Потому что, когда слово выделялось из числа прочих слов, тогда можно было без всякого вреда для его значения сокращать его написание.

Например, слово «глаголет», написанное под титлом относится ко Господу, без титла – ко всем прочим. В стихе *яко вси бози язык бесове* (Пс.95:5) (**), т.е. все боги язычников – бесы, слово «боги» написано без титла, и понятно, по какой причине оно так написано. Когда же в Священном Писании говорится о едином истинном Боге, тогда непременно используется титло. Или другой пример. В стихе *Отче наш, Иже на Небесех* (Мф.6:9) слово «Небесех» написано под титлом, тогда как в стихе *лицемери, лице убо небесе умеете разсуждати* (Мф.16:3), оно написано без титла, потому что это разные небеса. Первое – Небо с большой буквы, второе с маленькой – небо.

По той же причине, что написанные под титлом и без титла слова читались славянином совершенно по-разному, из одного греческого «ангелос» образовались в церковно-славянском языке два «ангела»: ангел и аггел. Как это могло произойти?

Греческое буквенное сочетание «γγ», произносимое всегда по-гречески как «нг», в церковно-славянском языке стало произноситься в слове «ангел» и как «нг», когда слово писалось под титлом (в этом случае оно читалось славянином как Ангел с большой буквы), и как «γγ», когда писалось без титла, обозначая в этом случае падшего ангела, т.е. злого духа. Т.е. именно потому, что славяне так внимательно относились к этому значку, они даже произносить стали по-разному слово «ангел», когда оно писалось под титлом и когда без титла.

(*) 10 грамм от килограмма. Думаю, не слишком ошибусь, если предположу, что именно так облегчает книгу использование в ней титла. Впрочем, здесь нужен точный расчёт. Но нужен ли? Красноречивее всех расчётов – поля древних рукописей. Они огромны. И, видя эти поля, как можно говорить о какой-то экономии? Не понимаю.

(**) В русской Псалтири этот стих звучит так: «Ибо все боги народов – идолы». Но можно ли называть идолов богами? Апостол Павел говорит: *Язычники, принося жертвы идолам, приносят их бесам* (1Кор.10:20). Это значит, что приносимые язычниками перед идолами жертвы, приносятся всё же не идолам, но богам, т.е. бесам. Думать же и утверждать обратное, что язычники до того глупы, что приносят свои жертвы изделиям

своих рук или каким-то природным явлениям, и что они эти изделия или явления почитают за богов, значит, вконец обидеть и без того обиженных язычников.

Продолжая всматриваться в икону церковно-славянского языка

Все такие наблюдения над титлом стали причиной следующих, быть может, чересчур мудрёных размышлений. Но мы постараемся, как повелено Апостолом Павлом: *не мудрствовать сверх того, что написано* (1Кор.4:6). А написано в Евангелии от Матфея следующее: *...елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех* (Мф.18:18).

В Богослужбном Евангелии (*) первое «небо» (*будут связана на небеси*) написано под титлом, а последнее «небо» (*разрешена на небесех*) – без титла. Т.е. первое слово читалось глазами славянина как «Небо», а второе как «небо», подобное «небу» в вышеприведённом примере о лицемерах (см. Мф.16:3). Что можно думать по этому поводу? Что эти небеса разные? Что Небо, где будет связано связанное на земли, отличается от неба, где будет разрешено разрешённое на земли? Что допущенное на небе не будет, однако, допущено на Небе? Что разрешенное на земле вовсе не означает разрешения на Небе, хотя и может быть разрешено на небе? (**)

Помимо присутствия над словом «небеси» и отсутствия над словом «небесех» титла, два этих «неба» различаются разными грамматическими числами, а именно: «на небеси» это единственное число, или по-русски «на небе»; тогда как «на небесех» это множественное число, или по-русски «на небесах». Употребление различных числовых форм ещё более увеличивает разницу этих «небес» и ещё более усиливает недоумение: что всё это значит? Не может быть, чтобы в церковно-славянском языке, который за каждой своей буквой и за каждой своей чертой закрепил строжайшие правила употребления (***), ничего бы не значили такие огромные различия в написании слов. Огромные, конечно, в глазах средневекового, а не современного читателя.

(*) Обращаю особое внимание на этот факт, т.к. в Синодальном издании Библии 1900 г. оба «неба» напечатаны под титлом. О современных изданиях Священного Писания говорить не приходится.

(**) Надо ещё заметить, что местоимение «елика» в Мф.18:18, как и оригинальное греческое «οσα», среднего рода, т.е. речь здесь идёт не о лицах, а о действиях. Значит, действия, а не лица, связанные на земле, будут связаны «на небеси», или на Небе (т.е. на «небе под титлом»), и действия, а не лица, «разрешённые на земле», будут разрешены «на небесах», или на небесах (т.е. на «небесах без титла»). Поэтому возникает ещё один вопрос: если на Небе и небесах запрещены действия, а не лица, то переход с неба на Небо и обратно для самих лиц может быть свободен?

(***) Чтобы убедиться в том, насколько строг и даже придирчив церковно-славянский язык в своей орфографии, достаточно почитать хотя бы семь правил употребления букв «омега» и «есть широкое».

В поисках ответа на эти вопросы нас могут отправить к греческому оригиналу, хотя там, как мы только что убедились на примере слова «ангел», ответов на вопросы славянской

орфографии нет и быть не может. К словам «ангел» и «аггел» можно добавить и слово «титло», которое, как мы уже говорили, в стихе Ин.19:19 стоит во множественном числе, а в Ин.19:20 – в единственном. В греческом же тексте в обоих случаях оно стоит в единственном числе: «титлон».

Но всё же заглянем в оригинал. Заглянем и убедимся, что в Мф.18:18 оба «неба» написаны по-гречески совершенно одинаково: «эн урано». Тогда как в церковно-славянском тексте они имеют целых два различия: титлом и числом. И различие в числе может быть не менее важно, чем различие в титле. Почему? Потому что и в главной нашей молитве слово «небо», дважды употребляемое, стоит в разных грамматических числах. Сперва во множественном числе: *Отче наш, Иже еси на Небесех*, а затем в единственном: *яко на Небеси и на земли*.

Можно, конечно, отмахнуться от этого факта, сказав: «Ну, и что? Небо, небеса... Какая разница? Никакой». Но разница, конечно, есть, п.ч. за разными словами необходимо стоят разные понятия. Осмелимся предположить, что в словах молитвы Господней *Иже еси на Небесех* говорится о том же, о чём говорит Апостол Павел: *во свете живый неприступнем* (1Тим.6:16), т.е. о том, что не может иметь никакого сравнения с тем, что *на земли*. А словами *яко на Небеси* выражается то, что может сравниться с тем, что *на земли*. Как это понять? Обратимся к Златоусту, толкующему слова Апостола. «Иной ли свет Он Сам, и иной ли тот, в котором Он живёт? Неужели и местом Он определяется? Нет. Не с той целью, чтобы мы так думали, но чтобы показать нам непостижимость Божеской природы, Апостол сказал, что Бог живёт во свете неприступном, - настолько изъясняя учение о Боге, насколько это было для него возможным. Видишь ли, до какой степени бывает немощным язык, когда хочет провещать что-либо великое?» (т.11, с.776). Следуя логике Златоуста, предположим и мы, что в молитве Господней разница слов *на Небесех* и *на Небеси* дана нам не с той целью, чтобы мы о ней так думали, как предложено думать выше, но чтобы показать, что разница эта есть, но что она – непостижима.

Автору был задан вопрос: «Не понятно, откуда появилось различие в написании Небеси/Небесех в Мф.18:18, если в греческом эти два слова написаны одинаково. Может быть, это отличие появилось в результате частного размышления переписчика Евангелия? Весьма вероятно, что в греческом тексте изначально эти Небеси/Небесех были написаны одинаково «эн урано». Если так, то возникает вопрос, неужели какой-то неизвестный нам переписчик Евангелия на церковно-славянском языке сумел исправить ошибку Апостола Матфея? Может быть все-таки правильно написано у Апостола?»

Мною ставится вопрос не об ошибке Апостола, а о том, что в греческом языке нет такого мощного средства выражения мысли, каким обладает церковно-славянский язык, нет титла. Церковно-славянское титло даёт в руки переводчику особые возможности, и то, что греческий автор вынужден был выражать многими словами, славянский толмач мог перевести с помощью одного только этого знака. Пример работы этого значка, помимо слова «уранос», можно привести из Послания к Солунянам: *так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога* (2Фесс.2:4). В русском переводе мы видим большие буквы в слове «бог», тогда как в церковно-славянском оно написано без титла, т.е. с маленькой буквы. Какому переводу верить? Обращение к греческому оригиналу здесь ничего не объяснит.

Другой пример можно взять из беседы Господа с самарянкой. В церковно-славянском переводе в стихах Ин.4:11(*господи, ни почерпала я маши, и студенец есть глубок*) и Ин.4:15

(*господи, даждь ми воду сию*) слово «господи» написано без титла, а в Ин.4:19 оно написано под титлом (*господи, вижу, яко пророк еси Ты*), тогда как в греческом тексте во всех трёх стихах стоит неизменное: *кирие*. Как отнестись к этому факту? Сказать, что перевод сделан неправильно? Или похвалить переводчика за использование богатых возможностей своего языка? Я выбираю последнее. Греческий текст не даёт ощутить перемену в отношении женщины к Господу, которую внимательный читатель видит в церковно-славянском переводе, да и в русском переводе тоже, ибо и там разница обращений самарянки выражена разными словами: сперва: «господин!» в 4:11 и 4:15, а затем: «Господи!» в 4:19. Что скажем на это? Осудим переводчиков, сказав, что они были не в праве, приняв во внимание живой характер самарянки, добавить каплю яркости в её речь, используя те возможности родной письменности, которых нет в языке оригинала? Или одобрим их?

Но вернёмся к Небесам и небесам. Можно много рассуждать о их разнице, но останавливает вопрос: не будут ли эти рассуждения надуманными? А таковыми они и впрямь могут оказаться, но не потому, что их разница несущественна, она как раз таки очень существенна, но потому, что неизвестно самое главное: сохранён ли текст в церковно-славянском Богослужбном Евангелии без опечаток? А если этого не знать, то все наши вопросы и ответы, все наши догадки и предположения, все недоумения и размышления будут гаданием на кофейной гуще.

Но как узнать, что в Богослужбном Евангелии в Мф.18:18 текст сохранился без опечаток? Как быть уверенным в неискажённости Богослужбных текстов после многочисленных реформ, раз за разом обрезавших церковно-славянский язык? Как быть уверенным в нетронутости сути (о деталях уже не говорю) дошедшей до сего дня славянской письменности, когда знаешь, что многие её sprawy совершались не по любви, но от неприязни к ней? И как быть уверенным в том, что её нынешнее состояние отвечает её изначальным целям, когда видишь непонимание, а главное – нежелание понимать церковно-славянскую грамоту у большинства наших от лет древних и донныне действующих книгопечатников, справщиков, реформаторов?

Как чудная древняя икона, написанная русским, а не греческим (и я подчёркиваю это обстоятельство) иконописцем, многократно «поновляемая» чуждою рукой, всякий раз утрачивала нечто от своей Богозданной красоты, так великий наш церковно-славянский язык, раз за разом бессмысленно упрощаемый теми, кто не хотел видеть его Богодохновенной силы, терял нечто от своих Богопроводимых свойств, т.е. от вечного Божьего Света, которым он изначально пронизан, и распространять который обязан. Однако верится и чувствуется, что нетварный Фаворский Свет продолжает струиться в церковно-славянских Богослужбных текстах и проникать в сердца читающих их как через буквы и титла, так и через «иже/яже», эти выразительные словесные штрихи, пока ещё видные на иконе церковно-славянского языка, пока ещё не замазанные его очередными «реставраторами».

Черта от закона

Славянское местоимение «иже/яже» может быть переведено и как «который/которая», и как «которые/которые». Различие в переводе зависит от ударения: при остром ударении – единственное число, при тяжелом ударении – множественное.

Острое ударение (черта направлена снизу вверх) или тяжелое ударение (черта направлена сверху вниз) можно видеть только в письмени, на слух его не услышишь. Как же определить число на слух? Из контекста. Если произнесено «молитвами иже во святых отец наших», это значит «молитвами наших отцов, которые во святых», а если «молитвами иже во святых отца нашего», это значит «молитвами нашего отца, который во святых». А ещё направление черты-ударения различает родительный и винительный падежи другого славянского местоимения «их». Допустим, в выражении «скорби их» местоимение «их» пишется с острым ударением, а в выражении «вижу их» – с тяжёлым.

«Ну, кому нужны сейчас эти черточки? - слышу я читательский голос. - Монастырским книжникам, которым больше нечем заняться в своих кельях, вот они их и изучают? А главное: зачем? Зачем нужно знать, какие падежи и какие числа в церковно-славянской орфографии различает то или иное ударение? Что от этого ударения изменится? Неужели иначе поставленное ударение может изменить веру? Неужели черта над буквой закона может изменить его дух?»

Черта над буквой закона влияет на дух закона всецело и совершенно, потому что: *аминь бо глаголю вам: дондеже преидет небо и земля, иота едина, или едина черта не преидет от закона, дондеже вся будут* (Мф.5:18).

«Всё понятно, к чему песня клонится. К тому, чтобы грозно предупредить, что исчезновение йоты обернётся последней катастрофой. Небо и земля рухнут, если изменится черта над «иже». Но ведь сказано *черта не преидет из закона*, а не из орфографии его. Потому что эта черта лежит не в букве, но в духе закона. Зачем изучать бумажные йоты и черты, когда надо вникать в духовное содержание Евангелия? А оно по обещанию Спасителя ни в малейшей мере не изменится, пока не исполнится всё, сказанное в нём».

Хорошо, давайте вникать в духовное содержание Евангелия. И в поисках духовной черты, которая *не преидет из закона*, начнём с этих слов Господа нашего Иисуса Христа: *Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом* (Лк.16:10). Это ли не дух Евангелия, состоящий в том, что трепещущий перед чертой закона духовной ли, графической ли будет трепетать перед всем законом, а пренебрегающий чертой закона рано или поздно пренебрежёт всем законом?

«То есть верный черте над «иже» верен Христу, а неверный этой черте неверен Христу? Ну, ведь это просто смешно».

Смешно? Читаем дальше 16-ю главу Евангелия от Луки. Случайно ли, что дальше в ней следует так называемое параллельное место цитированному стиху Евангелия от Матфея? *Но скорее небо и земля преидут, нежели одна черта из закона пропадет* (Лк.16:17) (ср.Мф.5:18). И случайно ли, что предваряется этот стих стихом: *Закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него. Но скорее небо и земля преидут, нежели одна черта из закона пропадет* (Лк.16:16-17)?

Мы ищем черту из духовного закона, действующего в Царствии Божиим? Так вот же она – *и всякий усилием входит в него*. Ведь не станем же мы думать, что Господь имел в виду Ветхий закон, который до Иоанна, когда сказал, что *скорее небо и земля преидут, нежели одна черта из закона пропадет*? Конечно же, Новый, т.е. Евангельский закон имеет в виду Спаситель, и, произнеся слова: *и всякий усилием входит в него*, Он, если не прямо, то косвенно называет их его чертой.

Но, может быть, Он другие произнесённые Им слова хотел назвать «чертой», а именно: *с сего времени Царствие Божие благовестуется*? Может, в слове «благовестуется»

заключена отыскиваемая нами духовная черта? Но что значит «благовестуется»? Наверняка это нечто совершенно противоположное закону и пророкам до Иоанна, иначе бы Господь не противопоставил их, говоря, *с сего времени?*

Вопросов достаточно, пора бы начать отвечать. Ответы же могут быть такими. Царствие Божие благовестуется, и это значит, что законы его писаны не на камне или на бумаге, как *закон и пророки до Иоанна*, но на скрижалях человеческого сердца. Царствие Божие благовестуется, и это значит, что строится оно и законотворится не в письмени, как *закон и пророки до Иоанна*, но передаётся от сердца к сердцу. Царствие Божие благовестуется, и это значит, что оно не есть свод правил, выполнение которых гарантирует прописку в нём. Царство Божие именно благовестуется потому, что оно есть переданная от человека к человеку Благая весть.

Однако, зачем здесь добавлено *и всякий усилием входит в него?* Какая связь между этими половинами? Зачем сказано про благовестие и вдруг сразу же говорится про усилие? Если Царствие Божие благовестуется, то зачем усилие?

Затем, что благовествование это не просто распространение Евангелия через семинарию (*), через бумажное тиражирование, через теле и радиотрансляцию и прочие коммуникационные сети, но распространение именно с *усилием*. Затем, что Благой вести, чтобы разноситься по свету и от поколения к поколению, мало быть всеянной, т.е. услышанной или прочитанной, ей мало быть даже проросшей в сердце, т.е. стать жизненным правилом человека, уверовавшего в неё, ей надо созреть и обсемениться, надо народить, как рождает растение, зрелые семена. Без таких вызревших в людских сердцах духовных семян Благая весть не может разноситься во времени и в пространстве. И это непременное условие благовествования Царства Божия называется у обоих Евангелистов *усилием*. Поистине, это *усилие* и есть та духовная черта в Евангельском законе, отъятие которой будет равнозначно прекращению благовествования. Потому что, если не будет усилий взращивания, значит, не будет семян Благой вести, значит, и благовествование само собой прекратится.

Впрочем, Евангелие ещё может быть возвецаемо, но уже без усилия, без духовных черты и йоты. А если они *прейдут*, т.е. пропадут из закона, то, значит, пришло время исполниться всему, *ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все* (Мф.5:18).

Действительно, прейдет из закона черта *усилия*, и исполнится всё: закон, небо и земля. Закон исполнится, потому что исполнять его, как Бог велел, с усилием, не захотят, но будут исправлять его по-своему. Земля исполнится, потому что работать на ней, как Бог велел, с усилием, не захотят, но будут переделывать её по-своему. Небо исполнится, потому что восходить на него, как Бог велел, с усилием, не захотят, но будут опускать его пониже по-своему.

(*) Слово «семинария» происходит от латинского *seminarium* – рассадник, питомник. *Seminarium* в свою очередь происходит от *semen, inis* – семя. Адмирал А.С.Шишков, как всегда не бровь, а в глаз, ударяя, пишет: «Слово «семинария» почитаем мы взятым с латинского *seminarium*, духовное училище, потому как в нём насаждаются семена учения. Что же, латинец мог его от своего *semen* произвести, а мы от своего «семени» не могли? Сколько же таких исконно наших слов, которые мы почитаем чужезычными! «Семья»,

«семейство» от этого же корня происходят; ибо что иное «семьянин», как не одного с другим «семени»?

В поисках объективной истории

«Понятно, что не к лёгкой жизни призваны христиане, - вновь раздаётся голос читателя, который нельзя не слышать без благодарности уже за то, что всё вышеизложенное он прочитал. - Понятно, что жизнь христианина это всегда самоотверженный труд, совершаемый по мере сил и с учётом обстоятельств, в которые его поставил Бог. В семье и на работе, в молитве и посте, везде нужны пусть крошечные, но усилия. Эти усилия необходимы именно сейчас, когда всё вокруг твердит: расслабься, не напрягайся, отдохни. Уже это малое противостояние губительному духу времени может вмениться в большой труд, на который нет ни сил. Хотя последнее, скорее всего, отговорка. Потому что было бы желание на труд, и Бог всегда даст силы на него. Но когда такого желания нет в большом, тогда необходимо усилие хотя бы в малом, нужно самопринуждение в мелочах, чтобы не оказаться перед Богом совершенно неключимыми рабами. Вот, автор привёл Евангелие от Луки, говоря о важности «малых дел», можно процитировать и другие Евангельские стихи на эту тему: *Добре, рабе благий и верный: о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего* (Мф.25:21). Но причём здесь местоимение «**иже**»?

Местоимение «**иже**», дорогой читатель, можно назвать динамометром, и отношение к «**иже**» можно назвать показателем прилагаемого духовного усилия идущего по жизни христианина. Что значит это «**иже**» по сути своей? Это местоимение, т.е. употребляемая вместо имени часть речи. Изменится ли Евангелие с переменой одного местоимения на другое? Изменится само имя от перемены его «вместоимений»? Кажется, нет. В чём же тогда дело? В чём причина боязни ослабить, даже не ослабить, но снять лишнюю узду, лишнюю тяжесть с понимания церковных текстов, и приблизить их к современному русскому языку?

А дело вот в чём. С изъятием местоимения «**иже**» из Евангелия, а также из других Богослужебных текстов изменится дух подхода к Евангелию, и это не сможет не отразиться на духе самого Евангелия, а также на духе других Богослужебных текстов.

«Странное утверждение, - скажет читатель, - похожее не то, как если бы кто сказал, что с изменением подхода к обеду изменится сам обед».

Присоединяюсь к этому читательскому сравнению и думаю, что кощунства в нём нет, потому что, как за обедом, так и в Евангелии нам преподаётся пища: телесная и духовная. А то, насколько строгим во все времена и во всех религиях было отношение к пище, можно убедиться, заглянув в решения первого Апостольского собора. *А об уверовавших язычниках мы писали, положив, чтобы они ничего такого не наблюдали, а только хранили себя от идоложертвенного, от крови, от удавленины и от блуда* (Деян.21:25). Однако, чтобы разобраться с этим странным утверждением, что с исчезновением из Евангелия местоимения «**иже**» изменится дух самого Евангелия, прибегнем к другому сравнению. Возьмём предмет гораздо ближе, чем пища, лежащий к Евангелию – историю. Ибо что такое Евангелие, как не история нашего спасения? Так вот, историю можно изучать: с усердием, с прохладцей, с формализмом, со смешками, с предвзятостью и т.д. Меняется ли история в зависимости от подхода к её изучению, или, как говорят учёные, от методологии? На первый взгляд нет. А если присмотреться? Если присмотреться, то меняется.

От кого мы узнаём, какова была наша история? От того, кто ей обучался. Что же мы узнаем об истории от того, кто обучался ей с ленцой? А что мы узнаем о ней от того, кто изучал её с насмешкой? Или с неприязнью? Разве одно и то же знание мы получим об истории от всех этих людей? Мы получим совершенно разные представления. Значит, история меняется? Значит, предмет в зависимости от подхода к нему меняется.

«Ну, это какая-то софистика», - разведёт руками читатель. - История была и остаётся одна и та же, просто разные люди её по-разному изучают».

Читатель, покажите мне ту историю, которая «одна и та же», которая не изменяется. Научите меня ей. Если всё то, что мы перечислили, т.е. усердие, формализм, усмешки, ригоризм и т.д. есть субъективные мнения разных людей, то дайте мне объективную историю, независящую ни от чьих оценок. Но никто не сможет её дать, потому что всякое живое, а не высушенное мнение об истории будет личным, т.е. по-своему субъективным. Кроме, разумеется, боговдохновенных мнений тех святых историков, слова которых мы читаем в Священном Писании. Даже и неживое, т.е. списанное где-то мнение будет всё равно субъективным, только уже засохшим. Потому что история это всегда – оценка, и без оценки истории не бывает.

Так же обстоят дела со всяким другим человеческим знанием и представлением. И не говорите мне, что есть объективные науки, которые потому и называются объективными, что изучают независящие от человека события и предметы. Если эти объективные науки не могут объяснить объективный факт Вознесения с плотью на Небо Сына Божия и седение Его одесную Бога Отца, то это не науки, но хиромантия, т.е. субъективное мнение занимающихся ими людей. Их субъективное мнение расходится с моим субъективным мнением. Впрочем, как они к Вознесению, так и я к ним. Не испытываю никакого почтения и с недоумением смотрю на все их потуги постичь и объяснить мир. Видимый мир они отчасти объясняют, а невидимый обходят стороной. Но этот невидимый духовный мир есть главный мир для верующего человека.

Зачем всё это говорится? Мы взяли искать дух Евангельского закона. А началось всё с утверждения, показавшегося читателю странным, что с изъятием местоимения «**иже**» из Евангелия изменится дух подхода к Евангелию, а это не сможет не отразиться на восприятии Евангельского закона. Действительно, странно слышать, что субъективный подход к объективному закону должен изменить его. Но всё это затем и говорится, чтобы показать, что объективного Евангельского закона быть не может. Потому что нет такой истории, нет такой науки и нет такого закона, которые были бы объективны.

«Невозможно принять сей постулат! - возразит внимательный читатель. - Нельзя ставить Евангелие в один ряд с наукой и историей. Нельзя сравнивать человеческое знание с Божественным Откровением».

Совершенно верно, уважаемый читатель, нельзя этого делать. Поэтому мы не дерзаем касаться Евангелия как Откровения, но говорим только о Евангелии как о восприятии этого Откровения людьми в разные периоды их личной и общественной жизни. Для понимания этой мысли приведём такие сравнения. Есть материя, и есть законы понимания материи. Есть непостижимый Бог, и есть Его энергии, которые мы воспринимаем. Есть океан Евангельского смысла, и есть чайная ложка нашего разумения. Разве содержимое этой ложки объективно?

Относительно принципа относительности

Мы искали неизменяемый объект для естествоиспытателя-физика и неизменяемую историю для гуманитария-лирика и не могли их найти, потому что не там искали. Искали в видимом материальном мире, а искать надо было в невидимом духовном. Это почему? Потому что в духе, а не в материи лежит причина нашей жизни. Причина нашей жизни – в Боге, а Он есть Дух. *Бог есть Дух* (Ин.4:24), и постигать Дух можно только духом, или говоря научным языком, субъективным подходом. *Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине* (Ин.4:24). Это значит, что степень истинности познания Бога лежит в степени истинности самих познающих. Какой истиной они стремятся к познанию Истины, такой истиной и обладают. Каким духом они стремятся к познанию Духа, таким духом и наполняются. Как это понять?

Дух физика и дух лирика, ищущих истину, может быть корыстным, тщеславным, наивным, завистливым, властолюбивым, спортивным, мятежным, мстительным, предвзятым, новаторским и т.д., всех не перечислить, потому что их много. *Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион, - потому что много бесов вошло в него* (Лк.8:30). Прошу физиков и лириков не обижаться на меня за то, что я приложил к ним цитату о бесноватом. Если бы они искали Истину, Которая есть *Путь и Истина и Жизнь* (Ин.14:6), то, Господь милостив, они недалеко были бы от Него. Но поскольку они ищут какую-то абстрактную истину, то и выходит с ними, как, впрочем, и со всеми нами то, что выходит. (*)

(*) Один из читательских откликов на эти слова был таким: «Автор достаточно высокомерно отозвался о «физиках и лириках», что они де ищут истину, однако находятся в прелести у нечистых духов, имя которым легион. Физики не ищут какую-то абстрактную истину, а занимаются описанием воспроизводимых явлений в природе, т.е. законов которые установил Бог для нашего мира. Наука в принципе не может описывать трансцендентные явления – это не ее область! С областью поэзии уже сложнее. Тем не менее, насколько мне известно, церковь никогда не учила тому, что занятие наукой или поэзией (лирикой) это грех». Любезный читатель! Я не против поиска истины, я против нечистых мотивов её поиска. Весь вопрос с том, с каким духом и с какой целью ищут истину физики, лирики, да и все мы. Можно ведь и Богу служить из тщеславия, корысти, любоначалия и проч. А можно и физику с лирикой постигая, безстрастию учиться. Но последнее бывает крайне редко.

Значит, таким же корыстным, тщеславным, наивным, завистливым, властолюбивым, спортивным, мятежным, мстительным, предвзятым, новаторским и прочим духом из их нечистого легиона физик и лирик наполнятся. Эти духи перемешаны и перепутаны, поэтому трудно выявить главного, но один какой-нибудь верховодит и рано или поздно все другие духи подчинит. Человек может жизнь прожить и думать о себе совсем не то, что он есть на самом деле. Думать: «за мной такого не водится», а на самом деле это «неводившееся» было главным мотивом его жизни. Он может думать о себе одно, но в жизненном итоге откроется совсем другое. Когда смерть вывернет человека наизнанку, тогда станет очевидно, т.е. его собственным духовным очам станет оче-видно, какой дух руководил им в познании истины.

Итак, истина об Истине заключается в тех, кто к Ней стремится. С каким духом к Ней подходим, таким духом и наполняемся. С каким духом Бога познаём, таким духом Он нам и открывается. Такая вот «теория относительности», согласно которой отношение, с каким изучающие стороны относятся друг ко другу, становится самым главным пунктом в деле познания.

Впрочем, если теория относительности говорит об относительности всего, то и сама она тогда – относительна, т.е. находится в прямой зависимости от отношения относящихся к ней. Ну, да это шутка. Но вопрос ею не снимается. Что же на белом свете неотносительно? Что неизменно и нешуточно? Бог. Бог вечен и неизменен, меняемся мы в зависимости от отношения к Нему. В каком духе и в какой истине кланяемся духу и изучаем его, в таком духе и в такой истине пребываем. Это значит, что с каким духом изучения я подойду к объекту, таким же духом от него и наполнюсь.

Перечитаем притчу о выданных рабам минах серебра, чтобы убедиться в этом. *Пришел первый и сказал: господин! мина твоя принесла десять мин. И сказал ему: хорошо, добрый раб! за то, что ты в малом был верен, возьми в управление десять городов. Пришел второй и сказал: господин! мина твоя принесла пять мин. Сказал и этому: и ты будь над пятью городами. Пришел третий и сказал: господин! вот твоя мина, которую я хранил, завернув в платок, ибо я боялся тебя, потому что ты человек жестокий: берешь, чего не клал, и жнешь, чего не сеял. И что же услышал в ответ этот третий? От уст твоих сужду ти, лукавый рабе. Этот третий был лишён и того, что имел. И сказал предстоящим: возьмите у него мину и дайте имеющему десять мин. Но те от удивления воскликнули: Господин! у него есть десять мин. Действительно, где же справедливость? Где правда? Да вот же она, Божия, а не человеческая, правда: Сказываю вам, что всякому имеющему дано будет, а у неимеющего отнимется и то, что имеет (Лк.19:26).*

Можно и другой пример привести. Общая и одинаковая для всех земная природа глазами верующего и неверующего человека видится совершенно по-разному. Первый смотрит на Божий мир и во всем прозревает славу Божию, и благодарит Его. А второй никакой благодати Божией не замечает, хотя и пользуется ей. Изменилась ли природа для того и для другого? Кажется, не изменилась, но ведь она изменилась и постоянно изменяется в зависимости от отношения человека к ней.

Ещё пример. Мне, да, наверное, и читателю, не раз приходилось слышать эту фразу: «Если бы люди любили друг друга, мир стал бы другим». Точно, мир стал бы другим. Но, спрашивается, отчего бы он стал другим, если в материальном отношении в нём ничего не изменилось? Каким мир был, таким он и остался. Каким увидел Адам солнце на небе, когда впервые открыл свои глаза, таким оно и пребудет до конца времён. Как же мир может измениться? Однако нет никаких сомнений в том, что если бы люди любили друг друга, то мир изменился бы самым решительным образом.

И ещё пример можно привести. Всем известно, что ответ старца на обращённое к нему вопрошание зависит не от старца, но от сердечного расположения человека, который к нему пришёл. Чем больше доверия у вопрошающего к старцу, тем больше вероятия, что Господь, став посреди них (ср.Ин.20:26), ответит ему устами старца. И это потому так бывает, что Господь отвечает не на вопрос, но на веру. Не на любознательность откликается Господь, но на стремление человека открыть Ему своё сердце.

Это даже далёким и от веры, и от церкви людям хорошо известно, что правильно сформулированный вопрос содержит в себе половину ответа. Прежде обдумай вопрос со всех сторон, вырази его как можно более точно и кратко, и ответ не замедлит явиться.

Но что же я всё какие-то отвлечённые темы беру, когда в Евангелии есть самый жизненный пример того, как от отношения человека к Богу зависит отношение Бога к человеку. Это пример пребывания в Своём отечестве вышедшего на общественное служение Господа нашего Иисуса Христа. *И не мог совершить там никакого чуда, только на немногих больных возложив руки, исцелил их. И дивился неверию их* (Мк.6:5-6). И если Господу было удивительно неверие их, то читающим эти стихи не менее удивительна свобода, какую Он людям даровал. И эта свобода такова, что всемогущий Бог не смог оказать Свою милость тем, кто не захотел её принять.

Но поскольку мы начали этот обзор с обеденного примера, то к нему и вернёмся. Не то же ли самое с обедом происходит? Можно съесть обед машинально, с аппетитом, на здоровье, а можно – во славу Божию, с молитвой и благодарением. Изменится ли в зависимости от методологии поглощения обеда его содержимое? Притча о минах говорит, что коренным образом изменится. У имущего начаток правильной духовной жизни телесное служит к духовному укреплению, а у неимущего правильного духовного устройства телесное насыщение ведёт к духовному оскудению, приближая время отнятия и того телесного, что он имел. И если такое с телесной пищей происходит, то не подавно ли такое же происходит с пищей духовной?

Богодарованная азбука

Всё это не софистика, дорогой читатель. Всё это тот закон Благовестия, о котором мы говорили в начале главы, и согласно которому Благая весть передаётся не иначе как от сердца к сердцу.

Елика слышахом и познахом я, и отцы наша поведаша нам (Пс.77:3). *Итак, что вы слышали от начала, то и да пребывает в вас; если пребудет в вас то, что вы слышали от начала, то и вы пребудете в Сыне и в Отце* (1Ин.2:24). Слышать-то мы слышали. Но как и от какого сердца слышали? От самовлюблённого, боязливого, расслабленного, землеретного (*), интеллектуально озабоченного, тщеславного, непокорного? Или от опытного, искушенного, смиренного перед Богом и живущего верой в Него? От какого сердца услышали, таковы будут семена, таковы будут и посеянные вестью всходы. Вот, стало быть, как от образа благовествования, т.е. от сердечного настроения в возвещении Евангелия, зависит содержание самого Евангелия, и как от отношения к букве Евангелия зависит наше восприятие его духа.

Небрежение к букве закона свидетельствует о небрежении к его духу. Лицемере, научись прежде разуместь букву закона, и тогда узриши его дух (ср.Мф.7:5), поскольку и буква тем же самым духом писана, и сомнений в этом быть не может, особенно в отношении церковно-славянского языка. Решительно говорю, что никаких сомнений в том, что Дух, Который диктовал церковно-славянскую азбуку и грамматику, диктовал и Евангелие, быть не может. Конечно, нужно бы сказать наоборот. Дух, диктовавший Евангелие, продиктовал церковно-славянскую азбуку. Именно так. Святым Духом продиктована церковно-славянская письменность.

Убеждает нас в этом, во-1-х, слово «церковный», т.е. для церкви и церковного благовестия разработанный язык. А во-2-х, заглянем в глаголицу, которая наряду с кириллицей, была составлена святыми равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием (**), и увидим, что первой буквой глаголицы является – крест. А если первой буквой азбуки стоит крест, то зачем она составлялась? Затем, чтобы проповедовать *Христа распятого, для иудеев соблазн, а для еллинов безумие* (1Кор.1:23). И для чего, спрашивается, буквами этой азбуки будут писаться слова? Для благовествования Царствия Божия. Так каким же духом она тогда продиктована? Духом Святым!

И если «альфой» азбуки является крест, то что же будет её «омегой»? Куда Крест возводит? На Небо. И точно, последней буквой кириллицы и глаголицы мы видим «ижицу». Нашу Небесную ижицу, Небесное м | ро, третью ступеньку, возводящую от мира через мир к м | ру. От альфы-креста к омеге-м | ру.

(*) Слово «землеретный» можно буквально истолковать как «о земле ретивый». Славянское слово «реть», означающее «ссора, распря, раздор», можно встретить в Апостольских посланиях: *да не како будут рвеня, зависти, ярости, рети...* (2Кор.12:20). В русском языке с этим словом широко известно выражение «конь ретивый».

(**) В научной литературе встречаются, как всегда, самые разные мнения на этот счёт. И что составлена была святым Кириллом не кириллица, но глаголица. И что обе азбуки были им составлены. И что ни та и не другая не были им составлены, и т.д. и т.п. И читать всё это, не перечитать...

Вот и выходит, что, едва только приступив к изучению церковно-славянской азбуки, едва только начав разбираться с её буквами и титлами, мы оказываемся Духом Святым подхвачены и ведомы. Едва только начав усваивать церковно-славянскую письменность, мы уже руки свои протягиваем к Святому Духу. Царю Небесный, Утешителю, /.../ прииди и вселися в ны... И научи нас понимать через грамоту книжную грамоту жизненную, которых обеих Ты Составитель. Научи нас через понимание церковно-славянского языка понимать смысл жизни, которых Ты один Податель.

Вот и выходит, что стяжание Духа Святого, о котором как о цели христианской жизни говорит преподобный Серафим Саровский, начинается уже за партой, за азбукой, за изучением церковно-славянского языка. Учась букве, мы научаемся Святому Духу. Сама буква вводит нас в дух Евангелия. И соответственно, отвергая букву – отвергаем дух, изменяя букву – изменяем дух.

Причём, разумению буквы научиться много проще, чем разумению духа, потому что языковые правила известны, правила же Духа кто исповесть? Языковые правила требуют только терпения в изучении, а дух тонок и неуловим (*), *идеже хоцет, дышет* (Ин.3:8). Да и странно как-то, не научась букве, пытаться изучать дух. Всё равно что, едва разумея грамоту, размышлять о содержании написанного. Всё равно что, не закончив начального образования, учиться в средних классах.

Равнодушие к букве свидетельствует о равнодушии к духу. Но лицемер уверяет всех в обратном, дескать, дух его горит, а буква этому горению мешает. Любовь к Евангелию пламенеет, но на пути этой любви стоит непонятный церковно-славянский язык. Так прояви

любовь, которой горишь, пойми язык, который учит тебя и до тебя тридцать три поколения (***) русских людей научил этой самой любви.

(*) «Дух тонок и неуловим», - написал я, помня стих Священного Писания: *и по огни глас хлада тонка, и тамо Господь* (3Цар.19:12). Синодального перевода этого стиха лучше не читать, и я хотел бы уберечь читателя от него, но, зная, что он, заинтригованный, всё равно в этот перевод заглянет (**), не буду утруждать его раскрытием Библии, привожу русский перевод: *после огня веяние тихого ветра, и там Господь*. Ну как? Всё равно что после высокой поэзии лист газеты открыть. В церковнославянском тексте прямо физически ощущается после огня – хлад, *и тамо Господь*. А в синодальном что ощущается? После огня – веет тихий ветерок. Огонь раздувает?

(**) Удивительно, почему соблазняет только плохое и не соблазняет хорошее? Ничего удивительного. Это происходит потому, что подобное тянется к подобному.

(***) Цифра 33 выходит из деления 1000 на 30. 1000 – тысяча лет Православия на Руси, а 30 лет – общепринятый срок главенствования одного поколения в народном теле. Условно считая, 33 раза обновлялась «глава» народного тела за 1000 лет. И все «главы» кроме последних, советских, учились читать и писать на церковно-славянском языке.

Кому мешает церковно-славянский язык?

Дух Евангелия – в любви. Но Евангельская любовь это – усилие и жертва. Или какую-то иную любовь понимает пламенеющей любовью к упрощению церковнославянского языка и стоящий перед ним, как бык перед красной тряпкой, и думающий, что она препятствие на его пути к Богу? Стоит ему только пронзить преграду рогами, и путь откроется? Какую любовь понимает таковой? Без креста, без труда, без скорбей, без молитв? С такой любовью он хочет перевести Богослужение на русский язык, и – вперёд, в Царствие Небесное?

Но не таков дух Евангельской любви. Он не горит с копотью. Такого духа нельзя добиться, его можно только получить. И по этой самой причине в Евангелии не сказано «требующему», но – просящему. Не сказано «сметающему преграды на своём пути», но ищущему. Не сказано «ломящемуся в дверь *с сечивом и оскордом* (Пс.73:6), но *стучащему* будет дано и открыто. Так хоть чуточку потрудись, помолись и поскорби, и всё откроется. *Всяк бо просяй приемлет, и ищяй обретает, и толкущему отверзется* (*), и с отвержением радость исполнит душу. Потому что не сам тот, кто просил, возьмёт, не сам тот, кто искал, найдёт, не сам тот, кто стучал, откроет, но Господь ему подаст, найдёт и откроет. *Рече же ему Господь его: добре, рабе благий и верный: о мале Ми был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего* (Мф.25:23).

Так хоть чуточку помучься, хоть капельку слёз и пота пролей над изучением церковнославянского языка, и он откроется для понимания. Хотя для понимания главных слов, с которыми Церковь обращается к Богу – Господи, помилуй, и слава Тебе, Боже – учиться не надо, они понятны всякому, впервые переступившему церковный порог. И с их пониманием, глядишь, откроется и главное понимание, научиться которому мы должны успеть в краткое время нашей земной жизни, а именно то, что, как в изучении языка, так и всюду нужно пытаться постичь и исполнить волю Божию, а не свою человеческую греховную волю, и что научиться этому можно только, молясь и прося со смирением, а не выставляя Богу свои требования.

Но всё равно мешает церковно-славянский язык. Мешает молиться, мешает стоять на службе, мешает правильно понимать Евангелие. Но как в церкви может мешать церковный язык? И что значит «правильно понимать»? Выше мы пытались разобраться, что это значит. Пытались понять, что объективной правильности в понимании Евангелия нет. Что правильность субъективна. Что правильность – в подходе. С чем подойдём, то и получим. С чем подойдем к Евангелию? С чем подойдём к церковному языку? С любовью, с неприязнью, с ненавистью? С фарисейской гордостью или мытаревым смирением? Значит, тем же самым и наполнимся.

Нет, всё равно мешает церковно-славянский язык. Мешает молиться, мешает стоять на службе, мешает правильно понимать Евангелие. Но Церкви церковное мешать не может. Значит, мешает вот это, через черточку от слова «церковный» дописанное слово «славянский»? Славянский язык мешает? Кому славянский язык мешает?

Читатель, поди, давно уже ждёт, когда автор начнёт перечислять тех, кому мешает церковно-славянский язык? Когда же он начнёт свои обвинения, и, кажется, давно бы пора им начаться, так как самое название подзаголовка их предвещает. Читатель ждёт уж рифмы «розы»... (**). Хотя, в нашем случае к слову «морозы», уместнее была бы рифма «грозы», но рифмы не будет, и гроз не будет. Ничего не будет, кроме цитат из Евангелия. Вы хотите знать, кому мешает церковно-славянский язык? Он мешает нам. Мы сами, читатель, хотели бы его упростить и сократить, потому что желания стоять на его Фаворской высоте у нас нет.

Данной главой я хотел раскрыть ту истину, что упрощение Богослужбного церковно-славянского языка и его сближение с русским языком, под какими бы предложениями оно не совершалось, свидетельствует о том, в чём мы боимся себе признаться: об умалении нашей любви ко Христу Богу и Его Евангелию. Вот именно. Проявление нелюбви к церковно-славянскому языку есть проявление нелюбви ко Христу и Евангелию. (***) Упрощение Богослужбного церковно-славянского языка и его сближение с русским языком свидетельствует также и о том, что уходит сокровенное (****) внутреннее усилие из современного христианства, и на смену ему приходит наружное напряжение. Сердечная глубина Благовестия заменяется массовостью охвата. Что же в массе? В массе легко растёт пустоцвет, который не даст во время свое ни добрых плодов для Царствия Небесного, ни тем более добрых семян для других сердец. Поэтому не спрашивайте, кому мешает церковно-славянский язык. Он мешает нам.

Динамометром названо выше местоимение «иже», но назовём его по-церковному, а не по-научному. Знамение времён и *знамение пререкаемо* (Лк.2:34) – вот что такое данное местоимение.

(*) Интересно отметить, что этот и предыдущий стихи в Евангелиях от Матфея (7:7,8) и от Луки (11:9,10) схожи слово в слово.

(**) «И вот трещат уже морозы, / И серебрятся среди полей... / (Читатель ждёт уж рифмы *розы*; / На, вот возьми её скорей!)». Курсивом слово «роза» выделено самим А.С.Пушкиным. О пушкинских курсивах мы подробнее поговорим в следующих главах.

(***) «Слова о том, что проявление нелюбви к церковно-славянскому языку есть проявление нелюбви к Самому Христу и Его Евангелию, как мне кажется, являются в принципе неверными и даже опасными. В самом деле, между языком и Богом ставится знак равенства, а это запрещает вторая заповедь! Подобных взглядов придерживались

раскольники, когда по-существу стали обрядоверами», - сказали автору читатели. Что отвечать? Равенства между Богом и языком не ставится, но приравниваются отношения к ним. Если мы, например, скажем, что верность жене есть выражение верности Богу, разве мы тем самым приравняем жену и Бога? Нисколько. Так и здесь, любовь к языку приравнивается любви к Богу, и наоборот, неверность языку свидетельствует о неверности Богу.

(****) Написал слово «сокровенное» и вспомнил слова Апостола Петра, сказанные не только женщинам-христианкам, но всей Христовой Церкви: *Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом* (1Пет.3:3-4).